

Каковы истоки и причины ксенофобии в России и в других странах? Можно ли ее преодолеть исключительно полицейскими мерами? С какими трудностями сталкивается система образования при формировании толерантного сознания? Об этих и других проблемах размышляет директор Института этнологии и антропологии РАН им. Н.Н. Миклухо-Маклая, председатель Комиссии по вопросам толерантности и свободы совести Общественной палаты РФ академик РАН Валерий Тишков.

«Толерантность не означает всепрощение и вседозволенность»

– Валерий Александрович, прежде чем перейти к вопросам о способах противодействия ксенофобии и формирования толерантности, объясните, пожалуйста, в чем заключаются истоки ксенофобии? Каковы объективные причины, способствующие ее обострению в России в последние десятилетия?

– В России, как и в большинстве государств мира, живут люди разных национальностей и вероисповеданий, приверженцы разных этнических традиций и культур, и, конечно, их взаимоотношения никогда не были и, видимо, не будут абсолютно гармоничными из-за культурных различий – религиозных, расовых, этнических, языковых. Существуют особенности, связанные с привычными нормами жизни представителей различных культур, прибавьте к этому миграцию – так возникают риски, проблемы, которые проявляются в разной степени и разных формах и которые каждая страна с разной степенью успеха, с помощью разных механизмов пытается разрешить.

Мировая тенденция последних десятилетий – это усложнение культурного состава наций. Усиливается интерес к корням, к местным традициям – и это

характерные примеры не только Корсики, Бретани или Шотландии, но и многих регионов России, где за последние 10–15 лет возникло целое движение местных музеев – от музея мыши в городе Мышкине до аульных музеев в Дагестане. Ведется целенаправленная работа по брендингу регионов, городов с активным использованием истории, культуры и этничности. Создаются этнокультурные и историко-культурные бренды, привлекательные для туристов, для инвесторов, для самих жителей этих регионов. Характерные примеры – Тамань, известная благодаря Лермонтову, провал в Пятигорске, реконструкции Бородинской или Куликовской битвы, различные проекты казачества. Все это помогает людям обрести свою идентичность, потому что нет абстрактной любви к Родине – без малой родины нет и большой. И этот процесс усложняет культурную идентичность современных людей, в том числе в нашей стране.

Есть еще один процесс, порождающий феномен под названием «культурная сложность» (cultural complexity). Современный человек имеет право распоряжаться своей культурной свободой – считать себя представителем двух-трех

культур. Сегодня двуязычие – почти норма, средство коммуникации: человек может работать в крупной фирме полгода в одной стране, полгода – в другой. Для миллионов людей – представителей международной бюрократии, менеджеров, студентов, ученых и других – родина там, где ближе международный аэропорт. Нет культурной изолированности, когда человек, например, считает себя осетином и никакую другую культуру знать не хочет. Он хочет оставаться осетином, при этом знать русский и английский, путешествовать, вбирая в себя самые разные традиции. Становится поликультурной среда – например, в Москве за последние 15–20 лет появилось около 5 тыс. ресторанов, и значительная их часть – этнические.

И наконец, есть миграционные процессы, когда люди путешествуют в поисках работы. Россия является принимающей стороной, за последние 20 лет мы приняли более 10 млн мигрантов, заняв по этому показателю второе место после США. Их значительная часть – бывшие наши соотечественники, в 1990-е гг. сначала русские, а потом нерусские, но близкие нам по культуре – от украинцев и молдаван до азербайджанцев, армян, жителей Центральной Азии. Принимающие страны сталкиваются с проблемой конфликта культур, конфликта цивилизаций. В России это проявилось в росте ксенофобии и мигрантофобии.

– В чем разница в их проявлениях в начале 1990-х и в начале 2010-х гг.? Уместна ли здесь вообще периодизация?

– Первая половина 1990-х гг. связана с чеченской войной и отъездом из стран бывшего СССР большей части русского населения, столкнувшейся здесь с неприятием. 1990-е гг. прошли в значительной мере под лозунгом кавказофобии, причем население не разделяло выходцев из южных регионов нашей страны и, например, азербайджанцев. В Россию в тот период – после землетрясения в Спитаке, нагорно-карабахского конфликта – приехали сотни тысяч армян, а затем большое число азербайджанцев. Именно тогда появилось понятие «лица кавказской национальности»; я называю это расиализацией, когда этничность заняла нишу расы.

Их стали называть «черными», «азиатами» (это типичные расовые дефиниции), хотя они такие же белые, европейцы, как и жители большинства других государств бывшего СССР.

А 2000-е гг. в большей степени связаны с мигрантофобией, поскольку среди приезжих стали преобладать выходцы из Средней Азии – Таджикистана, Узбекистана, Кыргызстана, причем из сельских районов. Эти молодые мужчины, плохо знающие русский язык, занятые на неквалифицированных работах, стали объектами мигрантских фобий. Родились мифы о том, что на них приходится значительная доля преступности, что они распространяют болезни, что они главные организаторы наркотрафика, что они вовлечены в терроризм и пр. Еще один миф – что они занимают наши рабочие места, соглашаясь на низкую зарплату, более того – даже вредят модернизации, поскольку обходятся без современной техники.

И сегодня новый расизм, культурный расизм, мигрантофобия укрепились в России – создается образ чужого, в значительной степени мифологизированный.

– Каковы формы проявления ксенофобии? В чем она заключается вообще и что характерно для современной России?

– Есть как минимум три формы, три уровня проявления культурного расизма, когда расовый смысл придается этническим и культурным различиям.

Во-первых, это бытовой расизм, который не требует никакой особой идеологии. Это неприятие чужаков, распространенное среди людей, зачастую недостаточно образованных и не обладающих широким кругозором. Они, возможно, по природе своей не отторгают чужую культуру, но отторгают быстрые изменения привычного образа жизни. Представители разных национальностей могут веками мирно жить в одной деревне – это мировая практика, и Россия не исключение. Но если состав деревни быстро меняется, приходят новые жители, принося с собой иной образ жизни, возникает негативная реакция. Когда я в 1992 г. был министром по делам национальностей, часть южных осетин переселились в Северную Осетию, и их нормы жизни казались неприемлемыми для

северян – помню, они жаловались, что южные осетины громко говорят, смеются во время их траура, неправильно готовят и пр.

Во-вторых, есть институциональная ксенофобия, когда государственные, общественные институты (например, политические партии), правоохранительные органы, кадровые службы проводят расистскую политику в соответствии с официальными нормами. Например, в СССР нельзя было принимать в учебные институты больше определенного процента евреев.

В-третьих, есть идеологический, политический, интеллектуальный расизм. Это наиболее изощренный, доктринальный тип ксенофобии, который обеспечивает существование расовых теорий. Расистскую литературу – и классическую, и новую – в 1990-е гг. можно было свободно продавать, поскольку не было закона об экстремизме, не было списка экстремистской литературы. «Майн кампф» и «Протоколы сионских мудрецов» и сейчас при желании можно найти кое-где на развалах. Такой расизм может проникать, например, в вузы, в учебники, и молодежь легко им заражается. Но наиболее подверженными ксенофобии оказываются интеллектуалы, политики, особенно в связи с избирательными кампаниями. В политическом соперничестве ксенофобия и неорасизм способствуют собиранию голосов, политической мобилизации.

– Почему это срабатывает? И почему политики на это идут?

– Потому что, как правило, это направлено против меньшинств или мигрантов. Меньшинства никогда не приносят столько голосов, сколько большинство, а у мигрантов вообще права голоса нет. Поэтому если человек предлагает выбрать его мэром Архангельска и за это обещает убрать из-под Архангельска цыганский табор, – это реальный случай, когда один из кандидатов в мэры включил этот пункт в свою программу и даже пытался табор переселить, – возникает

вопрос, куда его переселить: в Астрахань, во Владимир, в космос?

Если объекты ксенофобии и расизма – это, как правило, меньшинства – мигранты и часто свои собственные граждане, то субъекты – это и политики, и часть интеллектуалов, включая людей медийных, да и вообще довольно широкие массы людей, прежде всего мужская молодежь. И хотя иные профессора, которые могут работать, например, в МГУ и писать ксенофобские книги, говорят, что они никакого отношения к скинхедам не имеют, у скинхедов их книги лежат под подушкой.

Вообще в распространении этих идей активно используется Интернет, другие современные средства массовой коммуникации. Простенькая брошюрка «Азбука русского националиста» с уплющенными

идеями и представлениями на 20–30 страниц может быть прочитана недостаточно образованным молодым человеком, не имеющим большого жизненного опыта, и прочно «врубиться» в его сознание.

Есть еще причины ксенофобии и расизма – за их проявлениями, как правило, стоят существенный экономический интерес, соперничество людей за ре-

сурсы, собственность, трудовые ниши. В качестве одного из средств конкуренции используется этническая солидарность или противостояние. И поскольку в 1990-е гг., в период приватизации, довольно активно проявили себя представители тех национальностей, которые в советское время занимались торговлей, подпольным бизнесом или отхожими промыслами, то основное русское население было более инертным в той же приватизации. Азербайджанцы, например, наладили по всей России миллиардный бизнес по доставке со всего мира фруктов и овощей – ни киви, ни бананы в Азербайджане не растут. Может быть, и в финансовом бизнесе доля евреев была больше, чем их доля в населении страны.

Это создало некие диспропорции и в 2000-е гг. стало причиной для утверждений, что русских обобрали, всё за-

Наиболее подверженными ксенофобии оказываются интеллектуалы, политики, особенно в связи с избирательными кампаниями. В политическом соперничестве ксенофобия и неорасизм способствуют собиранию голосов, политической мобилизации.

хватили – отсюда потребность реванша, недовольство итогом реформ. Нельзя сказать, что все, кто так говорят, против рыночной экономики, просто они недовольны ситуацией, в которой оказались лично они. И один из способов объяснения своих неудач – обвинить в них других. Вот мы живем в Кондопоге всю жизнь, а тут приехали пятеро чеченцев или азербайджанцев, один открыл ресторан, второй приватизировал лесопилку, третий купил себе «Мерседес», пусть даже десятилетней давности и не представляющий собой особой ценности. Желание решить свои проблемы за счет ксенофобии приводит к насилию, изгнанию чужаков – сжигая чужую палатку, можно поставить рядом свою, и это экономический расчет.

Есть и другое проявление экономического расчета. Если держать мигрантов в приниженном, дискриминируемом состоянии, это позволяет работодателям – физическим или юридическим лицам – им недоплачивать. Такова природа деловых отношений: зачем платить 20 тыс., если можно нанять человека за 10? Мигрантофобия

стала одним из механизмов коррупции – фактически нет мигрантов, которые не давали бы взятку правоохранительным органам, чтобы приехать, оформиться, работать, а потом еще и уехать с какими-то деньгами. Нет мигрантов, которые не пострадали бы от недоплаты и прямого обмана – механизм чрезмерной эксплуатации мигрантов известен во всех странах с первых волн миграции в Америке. Примечательно, что каждая старая волна мигрантов эксплуатирует новую, порой не менее жестоко, чем коренное население.

– А почему ксенофобии зачастую оказываются подвержены дети? Можно ли говорить об этом на том этапе, когда дети разных национальностей просто играют в песочнице?

– Дети в песочнице играют совершенно нормально вне зависимости от национальной принадлежности, а вот если их мамы в это время между собой не об-

щаются – уже проблема. Когда ребенок подрастает, происходит натаскивание и в школе, и в семье, и за счет другого опыта. Дети изначально открыты к общению со своими сверстниками, но если автор учебника просит их определить, к какой расе принадлежит сидящий рядом человек, то это и есть расоведческое натаскивание.

Нынешняя этнопсихология началась с устаревшего Густава Шпета, в 1930-е гг. взявшего за основу германскую психологию XIX в., и сегодня ученые ее повторяют без всяких комментариев и критериев. Это три шага назад. Психологи у нас и сегодня говорят о так называемых культурных дистанциях, этнических культурных кодах, и это фак-

тически новый расизм, несмотря на утверждения о том, что, дескать, человек должен знать свою этничность как можно лучше, и тогда он будет лучше относиться к другим. При этом не принимается во внимание, что русский, проживший всю жизнь в Нальчике, более глубоко поведенчески, культурно отличается, например, от помора, чем от кабардинца. К этничности это не имеет никакого отношения.

– Чем можно объяснить такую позицию исследователей – идеализм в трактовке этничности?

– Истоки такой позиции лежат в теории этноса, которую сочинил Юлиан Бромлей, не говоря уже о Льве Гумилеве, который трактует этнос как биологический организм, проповедует всякие недоказанные теории пассионарности, жизни этноса – что есть этносы вредные, здоровые, старые, молодые, супер-этносы, одни проникают в тело другого и разлагают изнутри...

От советского времени нам досталось тяжелое идеологическое и гуманитарное наследство, хотя открытое биологизаторство марксизмом не приветствовалось. Многие идеи расцвели в постсоветское время. Поэтому академическая среда в большом долгу перед обществом – необходимо взять присутствующие в миро-

Мигрантофобия стала одним из механизмов коррупции – фактически нет мигрантов, которые не давали бы взятку правоохранительным органам, чтобы приехать, оформиться, работать, а потом еще и уехать с какими-то деньгами.

вой современной науке подходы к этничности как форме идентичности, понять, что это далеко не самая главная форма лояльности людей, что в большинстве стран вообще не знают, что такое этнос. Такой категории нет ни в мировой науке, ни в мировой политике. Владимир Путин – пожалуй, единственный государственный лидер, который это слово произносит: ни Саркози, ни Меркель его бы не поняли.

– Может быть, просто нет адекватного перевода?

– Ethnicity – это форма идентичности человека, о которой во многих странах даже нельзя спрашивать, и она почти нигде не фиксируется. А если и фиксируется, то можно говорить о сложной идентичности: если у вас отец русский, а мама украинка, вы знаете два языка и две культуры, то почему вы не можете быть одновременно русским и украинцем? Иными словами, здесь недопустим биологизаторский, расистский подход.

– Скажите, а какими средствами можно преодолеть ксенофобию? Понятно, что нет однозначных рецептов, но все же один из возможных путей – бороться с ксенофобией с помощью толерантности.

– Словом «бороться» я в таких случаях, как правило, не пользуюсь. Я говорю, что есть проблема преодоления ксенофобии и утверждения толерантности. Понятие «профилактика экстремизма», добавленное в название программы Минобрнауки по толерантности, мне не нравится: слово «профилактика» скорее медицинское, нежели образовательное. Появляется определенная концепция, политика толерантности, ЮНЕСКО в свое время приняло декларацию о толерантности, программу «Культуры мира».

Необходимо понимать, что в какой-то мере экстремизм – это плата за демократию. Он присущ многим демократическим, открытым обществам – в тоталитарных обществах правом на экстремизм и насилие обладает только государство. В СССР жестоко карали за национализм, при этом само государство проводило политику этнического национализма – отсюда чистки, депортации, антисемитизм. Так что утверждать, что можно раз и навсегда искоренить ксенофобию

и нетерпимость, – наверное, утопично. Но нельзя допускать проявления крайних форм экстремизма, представляющих собой угрозу жизни и имуществу человека, основам государственного устройства.

Толерантность – это, безусловно, одна из древнейших, глобальных духовно-нравственных ценностей, принятие различий в культуре и пусть не их поддержка, но хотя бы признание. И тем не менее толерантность – это не только терпеливость, а еще и осознанная активная позиция, когда, например, православный не просто терпит, что в его городе рядом с храмом возводят мечеть, а когда мусульманин помогает православному строить храм. Это активная, целенаправленная позиция признания и поддержки культурных отличий. И таких примеров немало – владыка Феофан, который на Северном Кавказе был архиепископом и построил там несколько десятков православных храмов, рассказывал мне, что основными строителями были мусульмане. Он им говорил, что они делают богоугодное дело и для Аллаха, и для Христа.

– Ксенофобия и толерантность – два полюса. Но ведь возможны и такие формы поведения, когда очень сложно дать однозначное определение, толерантен человек или он, напротив, ксенофоб.

– Да, человек может не любить евреев вообще, но любить своего друга-еврея или нормально относиться ко всем расам и национальностям, но отказываться выдавать свою дочь за армянина или татарина. Нет стопроцентно неисправимого ксенофоба, особенно если речь о молодом человеке, и нет стопроцентного во всех проявлениях, в каждой клеточке души и тела, толерантного человека. Он может быть толерантен в своей философии, в общественном поведении, но не толерантен в личном, семейном кругу. При этом в случае с ксенофобией есть крайности, основанные на идеологии, где никаких сомнений, никакой двусмысленности не возникает.

– Как проводить в жизнь идеи толерантности? Кто должен этим заниматься?

– Есть несколько стратегий, но ни одна из них в одиночку не способна привести к успеху.

Прежде всего, за безопасность и благополучие граждан, за согласие в обществе, за предотвращение конфликтов между представителями разных религий и культур отвечает государство, власть. Мы делегируем власти часть своего суверенитета, чтобы она устранила в обществе крайние формы соперничества на основе насилия – ведь при отсутствии организующего начала люди попросту могут друг друга перебить в силу плохого характера или «шкурного» интереса. Люди вместе устанавливают общепринятые нормы поведения, и государство – самый мощный механизм их обеспечения.

У государства есть для этого разные механизмы.

Во-первых, это право, законы, наказывающие за разжигание межэтнической и межрасовой розни. Наиболее явные ее проявления – это статьи Уголовного кодекса. Есть механизмы профилактики – запреты для издательств, запреты создания партий на этнической основе или по религиозному принципу.

Во-вторых, это система образования, которая играет ключевую роль. Ксенофобия или толерантность у человека формируются в процессе социализации, сначала семейного, а затем и школьного воспитания. И если семья – это в какой-то мере отражение общественного климата, господствующих в обществе представлений, то цель системы образования – воспитать ответственного гражданина России с широким кругозором. Он должен знать свою страну, кто в ней живет, историю войн и конфликтов – что такое, например, геноцид или холокост, какую плату людям приходится платить за то, что они прибегают к насилию и не признают разнообразие. Школьник должен понимать, что наша страна всегда была поликультурной, что важно сохранить культуру ее больших и малых народов.

Все это прививается в школе через разные предметы, особенно такие, как история, обществознание, основы религиозных культур и светской этики, внеклассную и воспитательную работу, из-

учение историко-культурного наследия, игровые практики и т.д.

– С какими трудностями, на ваш взгляд, сталкивается школа при формировании толерантного гражданина России? Что ей мешает выполнить свою миссию?

– Прежде всего школа должна преодолеть негативное семейное влияние, если таковое возникает, и в достаточной мере подготовить к этой работе учительский корпус. Это, пожалуй, самое важное – учитель должен быть толерантным. Но, к великому сожалению, наши учителя зачастую являются носителями ксенофобских, упрощенных представлений

о жизни в нашей стране, о культуре, о миграции, о мигрантах и передают их детям. Сначала нужно сделать толерантным учителя, а потом уже учеников.

Нужна хорошая, грамотная учебная литература. Если учитель насаждает гумилевские представления об этносах, он воспитывает ксенофоба и, возможно, расиста и в дальнейшем насильника.

Я выступаю с инициативой, чтобы все ученики школы за время учебы обязательно побывали на двух экскурсиях – в Москве и Санкт-Петербурге, на Волге или на Байкале (кому куда ближе добраться). Важно понимать, что на Волге живут не только русские, но и татары, башкиры и другие национальности, что с одной стороны Байкала – Иркутская область, а с другой – Бурятия, где живут россияне с монгольской внешностью.

Третий ключевой механизм утверждения толерантности и профилактики экстремизма в нашем обществе – сфера культуры и информации. Мигрантофобия проникает в произведения наших писателей, соответствующие мифы распространяются в культуре вплоть до драматургии, разве что до оперы и балета дело не доходит. СМИ – особая история. Когда журналисты говорят, что, дескать, Москву заполонили мигранты, я им предлагаю для начала «очистить» от мигрантов свою редакцию, потом свой двор.

Наши учителя зачастую являются носителями ксенофобских, упрощенных представлений о жизни в нашей стране, о культуре, о миграции, о мигрантах и передают их детям. Сначала нужно сделать толерантным учителя, а потом уже учеников.

И тогда они задумываются – ну как же, у нас же там свои! Люди разных национальностей в нашей стране живут и работают вместе, но журналисты словно этого не замечают – отсюда «грязный» язык СМИ.

Четвертый механизм – институт гражданского общества.

Во многих странах мониторинг ксенофобии и насилия ведет не только государство, есть масса мощных общественных организаций, которые могут вывести сотни, тысячи людей в знак протеста против конкретного проявления ксенофобии. Если баскские или ольстерские террористы совершают теракт, десятки тысяч людей выходят на демонстрацию, демонстрируя свое неприятие расизма и экстремизма. По требованию ФИФА на бортиках стадионов появляются надписи «Скажи нет расизму!» («Say no to racism!»), хотя в России их почему-то не переводят на русский.

В Комиссии по вопросам толерантности и свободы совести Общественной палаты РФ мы проводим слушания, разрабатываем рекомендации. Например, издали памятку для работников правоохранительных органов о том, как нужно себя вести с представителями разных национальностей: если вошел в православный храм, сними шапку; если задержал еврея в субботу, у него может не быть с собой документов. Полицейский должен знать азбуку работы в мультикультурной стране – в полицейских академиях других стран ее обязательно изучают.

Такие организации, как информационно-аналитический центр «Сова», Московское бюро по правам человека, отслеживают и придают огласке случаи насилия по отношению к мигрантам, помогают им. Есть мультикультурные центры, где общаются люди разных национальностей, этнические советы, этнодеревни, как, например, в Оренбурге. Лейтмотив их работы таков: мы разные, но мы едины.

– Где, на ваш взгляд, проходит грань между толерантностью и полицейски-

ми мерами, если угодно, насилием во имя предотвращения, обуздания ксенофобии? Если человек толерантен, должен ли он прощать?

– Нет, толерантность не означает всепрощение и вседозволенность. Не следует путать ее с политкорректностью, когда нельзя что-то сказать, как-то особо посмотреть на человека или помочь женщине донести чемодан. Толерантность – это активная наступательная идеология и позиция. Конечно, можно провести с человеком беседу и объяснить ему мягко, осторожно, что он неправ в своем отношении, например, к евреям или узбекам. Но если вы видите в руках у этого человека битую, если он обрил голову, надел тяжелые ботинки, а вы его родители, его классный руководитель и вы ничего не предпринимаете, то совершаете преступление. Завтра, когда он с этой битой пойдет убивать людей, будет поздно. Так что толерантность – это позиция не только разъяснения, воспитания, убеждения, но и воздействия, может быть, даже наказания.

– А современной науке есть что сказать на эту тему?

– В мировой науке накоплен огромный опыт анализа всех этих феноменов, многие хорошие книги по толерантности переведены на русский язык. Что касается нашей отечественной науки, то для начала надо бы разобраться с нашими собственными концепциями и течениями, популярными в последние два десятилетия – прежде всего, с гумилевско-бромлейскими биологизаторскими конструкциями и с новыми академическими расистами, работы которых – это даже не паранаука, а антинаука. Есть ученые, пишущие о рисках миграции, о культурных дистанциях, культурном шоке, конфликте культур, а о культурной сложности и схожести ничего нет, хотя схожести среди россиян на порядок больше, чем различий.

Беседовал Борис Старцев